

УДК 338(470+571),339.9

Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект

АРХИПОВА ВИОЛЕТТА ВАЛЕРЬЕВНА,

канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей, Институт экономики РАН, Москва, Россия

q123zv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу текущего санкционного режима в отношении РФ, установленного в 2014 г. и действующего в настоящее время. Предметом исследования является содержание санкционного режима против России (национальный аспект) и состояние современной мировой финансовой системы и международных торгово-финансовых отношений в контексте развития санкций как инструмента внешней политики (глобальный аспект). Цель данной работы заключается в определении структуры и свойств санкционных мер в отношении РФ, выявлении и оценке глобальных последствий от введения антироссийских комплексных санкций. Количественные характеристики, представленные в исследовании, главным образом базируются на статистическом анализе данных Банка международных расчетов, Международного валютного фонда и Центра международной торговли преимущественно за 2011–2016 гг., а также международных прогнозных значениях развития глобальных торговых и финансовых показателей. В статье приводится детальная классификация санкционных мер против РФ. Сделан вывод о том, что анализируемый динамичный санкционный режим имеет негативные глобальные последствия: реальные (дипломатические, психологические в форме негативных ожиданий субъектов хозяйственной деятельности, потерянная торговля и побочный торговый эффект, искажение торговых и финансовых потоков через удлинение цепочек посредников, искусственное замедление восстановления глобального кредитного рынка, проблема ответственности стран-санкционеров за развитие и реформирование мировой финансовой системы) и потенциальные (возникновение новых видов эффекта «заражения», увеличение рисков концентрации капитала на глобальных некредитных финансовых рынках).

Ключевые слова: санкции; российская экономика; мировая финансовая система; глобальный кредитный рынок; торговля.

Current Sanctions Regime Against Russia: Characteristics and Global Aspect

ARKHIPOVA V.V.,

PhD in Economics, Senior Researcher at Institute of Economics (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia

q123zv@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of actual dynamic sanctions regime established against Russia in 2014 and lasting till nowadays. The subject matter of the research includes the contents of sanctions regime in regard to Russia (national aspect) and the current condition of world financial system and international trade in the context of developing sanctions as an instrument of foreign policy (global aspect). The object in view is to determine the structure and attributes of complex sanctions regime against Russia, identify and estimate its global consequences. In order to measure the global results of Anti-Russian sanctions and

countersanctions we implement statistical analysis using the databases of BIS, IMF and INTRACEN during 2011–2016. The detailed classification of sanctions against Russia is also offered. We came to a conclusion that analyzed sanctions regime has strictly negative global outcomes which can be combined into two groups: real (such as diplomatic, negative expectations of economic agents, “lost trade” and “collateral trade damage”, distortion of trade and financial flows through incorporation of additional mediators, manufactured slowdown of global credit market, lack of responsibility for global financial development typical for sender countries) and potential (i.e. origin of new types of “contagion” effect, risks of financial concentration and “bubbles” in global non-credit markets to occur).

Keywords: sanctions; Russian economy; world financial system; global credit market; trade.

В современном мире санкции являются одним из наиболее распространенных инструментов внешней политики преимущественно развитых стран. Так, США как самое активное государство-санкционер в период 1960–2015 гг. реализовали около 30 комплексных санкционных программ, 5 из которых включали всеобъемлющие (*comprehensive*) меры [для Кубы, Ирана, Бирмы (Мьянмы), Судана и Сирии], а остальные содержали конкретные целевые (*targeted*) ограничения (для Ирака, Зимбабве, Белоруссии, Ливана, Северной Кореи, Ливии, Украины, Венесуэлы и т.д. [1, 2]. Более того, насчитывается свыше 10 прецедентов, когда США накладывали санкции на крупных финансовых посредников из третьих стран в форме штрафов за нарушение санкционных режимов со стороны США в отношении целевых государств на сумму от 100 млн до 8,9 трлн долл. США. За 2009–2015 гг. объектами подобных мер стали *BNP Paribas* (Франция, максимальный штраф), *Standard Chartered* и *HSBC* (Великобритания), *Credit Suisse* (Швейцария) и *Bank of Tokyo — Mitsubishi* (Япония) [1]. ЕС и ООН выступали в качестве субъектов глобальных санкционных режимов более 20 и 10 раз соответственно [1, 2].

Санкционные способы воздействия применялись еще до нашей эры. Таким образом, пройдя через путь длительной поэтапной эволюции, к настоящему времени они достигли существенного прогресса, что, прежде всего, выражается в совершенствовании чисто финансовых санкций и мер «прицельного» или точечного (*smart*) экономического давления на подсанкционные страны [2, 3]. В современных условиях причины введения санкций могут быть разными. В целом к этим инструментам обращаются для выражения ответной реакции на действия любого государства, *de facto* нарушившего или *absurdum in adjecto* поступившегося мировыми принципами безопасности и нормами международного права, и невоенного принуждения к изменению неприемлемого курса его политики. Для РФ анализируемая тематика стала особенно актуаль-

ной после введения блоком западных стран в 2014 г. системных санкций вследствие обострения и развития украинского конфликта.

Вопросам рациональности использования и продуктивности санкций посвящен широкий круг научных работ. Изучение этих механизмов в связи с их ускорившейся эволюцией в середине XX — начале XXI в. существенно активизировалось и углубилось. Ряд отечественных и зарубежных исследователей указывает на необходимость регулярной систематизации знаний об институте санкций и предлагает усовершенствованные и дополненные классификации с учетом их новых подвидов [3], уровней (*tiers*) [4] и «волн» (*waves*) [5], в том числе на примере антироссийского санкционного режима. С точки зрения оценки эффективности санкционных механизмов теоретические работы можно условно разделить на блоки:

1) исходящие из анализа общего набора инструментов и наличия/отсутствия достижения поставленных политических целей [6, 7];

2) изучающие глубину воздействия на подсанкционные государства [4, 8];

3) выявляющие эффекты на стран-санкционеров [5].

Отдельные эксперты обращаются к глобальным эффектам от международных санкций — преимущественно для мировой торговли [5]. Цель данной работы состоит в систематизации и детализации классификации применяемых санкционных мер, исследовании содержания и свойств текущего санкционного режима против РФ и оценке его глобальных финансовых и общеэкономических последствий.

В результате анализа международных санкций нам удалось объединить их в 4 крупные группы по: качественным и количественным характеристикам санкционеров, сообщаемому географическому направлению (включая взаимный обмен по схеме «санкции»/«контрсанкции» и принудительное расширение круга санкционеров по принципу «ближайшего партнера» через производные санкции), степени

Таблица

Классификация международных санкций и структура текущего санкционного режима в отношении России

Международные санкции				
по санкционерам		по направлению:	по степени охвата:	по сферам общественной жизни:
по типу:	по количеству:			
• страновые (как правило, раз-витая страна или группа стран); • организационные (со стороны между-народных организа-ций и объединений)	• индивидуальные (односторонние; • коллективные	• однаправленные (санкционер/ы → подсанкционный/е); • разнонаправленные: — ответные (санкции ↔ контрсан-кции); — производные / вторичные / экс-территориальные (<i>extraterritorial</i>) / штраф-ные (санкционер/ы → подсанкционный/е и третьи страны)	• всеобъемлющие • точечные / целевые / конкретизирован-ные: — персонифициро-ванные (на физи-ческих лиц) — на юридических лиц — категориальные (товары и услуги) — отраслевые — региональные (на регион/ы вну-три подсанкцион-ной страны, в 1-й или нескольких стран подсанкци-онной группы)	• дипломатические • экономические: — по потокам: ✓ торговые (на ввоз/вывоз, на товары/услуги); ✓ финансовые — секторальные в области: ✓ энергетики; ✓ обороны; ✓ сельского хозяй-ства; ✓ т.п.; • искусства, культуры, спорта

Примечание: подчеркнутые меры входят в анализируемый санкционный режим.

Источник: составлено автором.

и сферам охвата (см. таблицу). Типологизация ограничительных мер позволяет сделать вывод, прежде всего, о том, что **санкционный режим в отношении России является коллективным**, так как кооперирует усилия нескольких международных организаций и форумов и свыше 30 государств-санкционеров из различных регионов мира, в том числе активного «ядра» (США и стран ЕС) и поддерживающих участников (Канады, Австралии, Японии, Норвегии, Швейцарии, Новой Зеландии, Исландии, Лихтенштейна, Албании, Черногории, Молдовы и Украины).

Анализируемый санкционный режим отличается **разнонаправленностью (обилием внутренних «векторов»)** и **многосферностью**. Обратимся к хронологии событий 2014–2017 гг., в которой прослеживаются четкие этапы. В марте-апреле 2014 г. против РФ был включен бессрочный дипломатический «фильтр» со стороны ряда стран (ЕС — консервация процедуры упрощения визового режима и модернизации соглашения о партнерстве, ограничение дипломатического диалога; США — приостановка переговоров по двустороннему инвестиционному соглашению; Швейцария и Новая Зеландия — замедление разработки и принятия соглашения о свободной торговле с ЕАЭС) и международных организаций и объединений: при-

остановление вступления России в ОЭСР, практическо-го сотрудничества с НАТО, прав голосования в ПАСЕ и сокращение формата «Большой восьмерки» до G7.

Практически параллельно с дипломатическими в марте 2014 г. со стороны США и ЕС были введены неоднократно расширяемые и продлеваемые вплоть до 2017 г. точечные санкции, такие как запреты на поездки и «заморозка» активов, распространяю-щиеся на конкретных физических и юридических лиц, занесенных в «черные списки». С июня 2014 г. конкретизированные ограничения пополняются региональным подвидом, т.е. приводятся в действие санкции против Крыма (сначала импортные барье-ры, затем частичные экспортно-инвестиционные и полные инвестиционные ограничения). В мар-те 2014 г. со стороны России отмечаются первые ответные меры, выраженные в форме закрытых списков аналогичных целевых санкций в отно-шении субъектов хозяйственной деятельности из стран-санкционеров. С июля 2014 г. США и страны ЕС начали применение, а с сентября 2014 г. — углуб-ление и продление экономических санкций против РФ, преимущественно финансовых (ограничение доступа на глобальные финансовые рынки круп-нейших российских банков, нефтяных и оборонных

компаний, находящихся под контролем государства) и торговых, с селективными мерами, для конкретных отраслей (главным образом, ВПК и энергетики). В августе 2014 г. РФ обратилась к применению контрсанкций (преимущественно импортных барьеров) на сельскохозяйственные продукты большинства стран-санкционеров.

Исследуемый международный санкционный режим представляет собой реальную угрозу, как внешнюю для отечественной экономики, так и глобальную — для мировой финансовой и общеэкономической системы, поскольку является интегральным и практически единовременным со стороны его субъектов и комплексным, вследствие сочетания множества подвидов санкций и их неоднократной пролонгации за 2014 — начало 2017 г. При этом необходимо отметить, что, несмотря на единство решений и действий стран-санкционеров, существует ряд расхождений в используемых подходах и методах с учетом их национальных интересов. Например, под экономические санкции США попадают нефтяные и газовые компании РФ, а ЕС избегает конфликтов с последними и всячески старается не допустить нарушения поставок российского газа в Европу. Различия также есть как в составе лиц, попавших в «черные списки», так и в отношении к применению санкций против РФ. В число активных сторонников ограничений входят Польша, Литва, Латвия, Эстония, Германия, Великобритания, Швеция. Между тем, Испания, Греция, Италия и Болгария считают их «никому не выгодными» [4, с. 5].

Обратимся к анализу глобальных последствий международного санкционного режима против России с точки зрения современного развития мировой экономики. Целесообразно выделить следующие негативные процессы и вызовы:

I. Торговые. Этот вид глобальных издержек включает в себя две составляющие: потерянную торговлю (*lost trade*) как разницу между прогнозируемыми и фактическими объемами торговли товарами стран-санкционеров с подсанкционным государством и побочный торговый эффект (*collateral trade damage*), возникающий для товаров, не попавших в «черные списки» [5]. Для измерения чистых глобальных торговых издержек от анализируемого санкционного режима (источники данных: [9–14]) мы разработали и применили формулу 1:

$$LT_s = \sum_{t=2014}^{2016} \left[LT_{w,t} \times \left(1 - \max \left(R_{trade,oil,t}; \bar{R}_{trade,cur,t} \right) \right) \right], \quad (1)$$

где LT_s — потерянная торговля от санкций за июль 2014 — сентябрь 2016 г. (период назовем «санкционным», так как до него несанкционные факторы оказывали основное влияние на торговые показатели, а после — нет данных. Во всех формулах время t в интервале 2014–2016 гг.);

$LT_{w,t}$ — ежегодные показатели потерянной торговли, учитывающие всю совокупность причин данного эффекта (в сумме за полный санкционный период они равны 675,2 млрд долл. США) из расчета по формуле 2:

$$LT_{w,t} = \sum_{j=Q1}^{Q4} (\bar{X}_{2011-2013,j} - X_{tj}), \quad \text{где условие} \\ (\bar{X}_{2011-2013,j} - X_{tj}) \geq 0; \quad (2)$$

$\bar{X}_{2011-2013,j}$ — средние квартальные значения суммы экспорта и импорта товаров для РФ (торговый показатель) за 2011–2013 гг. в качестве ожидаемых; X_{tj} — торговый показатель по кварталам за санкционный период;

$R_{trade,oil,t}$ — коэффициент корреляции Пирсона, рассчитанный для помесечных данных торгового показателя и цен на сырую нефть за санкционный период;

$R_{trade,cur,t}$ — среднее значение коэффициента корреляции Пирсона за санкционный период для помесечных данных торгового показателя, с одной стороны, и расширенного реального эффективного валютного курса доллара и евро и номинального курса доллара США и евро к рублю (покомпонентно) — с другой (коэффициенты корреляции рассчитывались по модулю на прологарифмированных данных).

Выбор максимального коэффициента корреляции, принятого в качестве порогового значения и доли негативного воздействия на торговлю несанкционных факторов (преимущественно волатильности глобальных рынков валют и нефти), и «очищение» полученных ежегодных показателей потерянной торговли от них позволило получить примерную оценку глобальных санкционных торговых издержек (или верхнюю границу возможных санкционных потерь). Искомый показатель LT_s составил за вторую половину 2014 г. 29% от величины потерянной торговли соответствующего года, или 15,1 млрд долл. США, в 2015 г. — 53%, или 174,4 млрд долл. США, за 9 мес. 2016 г. — 24%, или 70,7 млрд долл. США; всего за санкционный период — 260,2 млрд долл. США (примерно 1% от объема мировой торговли за 2015 г.). Из общего объема торговых потерь от санкций, которые затрагивают преимущественно европейский регион (более 50% LT_s), на долю подсан-

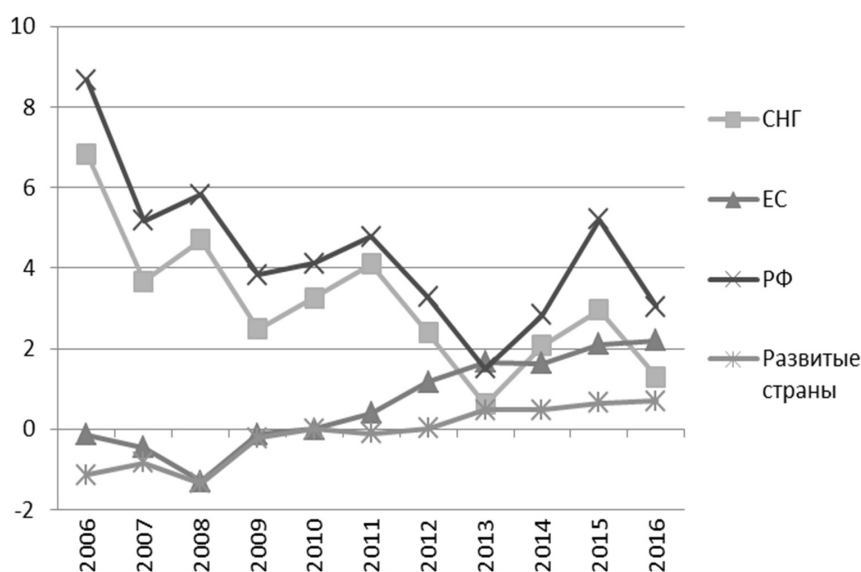

Рис. 1. Сальдо счета текущих операций, % к ВВП

Источник: [11].

кционных и контрсанкционных товаров приходится порядка 20%, а побочный торговый эффект оказался около 80% [5, с. 20–22].

II. Институциональные торгово-финансовые, связанные с искусственным изменением торгового взаимодействия России и государств-санкционеров (в совокупности составляют свыше 30% мирового ВВП 2015 г.), а также третьими странами, и с искажением торговых и финансовых потоков за счет встраивания дополнительных институтов — «цепочек» посредников, отягощающих отношения в плане сроков реализации сделок и роста цен для потребителей (рис. 1).

Отмечается, что активизировались такие процессы с участием РФ, как рекредитование и реэкспорт отдельных товаров, которые, однако, возникшие издержки сторон компенсируют не в полной мере. Например, в 2015–2016 гг. Газпром сумел дважды воспользоваться ресурсами глобального рынка банковских услуг в общем объеме 3,5 млрд долл. США, прибегнув к вторичному каналу привлечения кредитов со стороны Китая и группы азиатских банков [4, с. 8].

За июль 2014 — июнь 2015 г. прямой экспорт молочной продукции, выступающей объектом российских контрсанкций, из ЕС в РФ сократился на 77%, а в Беларусь — вырос на 423% за счет развития посреднической реэкспортной цепочки. Однако, по оценкам экспертов, с помощью реэкспорта по схеме «ЕС@Беларусь/Казахстан@РФ» покрывается только 2% от совокупного снижения прямого российского импорта сельскохозяйственной продукции, находящейся под бременем эмбарго [4, с. 10–11; 9].

III. Чисто финансовые, включающие в себя следующие:

1. Сжатие и искусственное замедление восстановления после кризисных событий 2008–2009 гг. глобального кредитного рынка (рис. 2). Ключевые страны-санкционеры, на долю которых в 2016 г. приходится свыше 60% трансграничных активов и обязательств, блокируют доступ к глобальным финансовым ресурсам для ключевых национальных игроков, контролирующих около 60% российского банковского сектора (Сбербанка, ВТБ, Газпромбанка, Внешэкономбанка и Россельхозбанка). Для РФ с преимущественно банковской (порядка 90% активов финансового сектора) и уязвимой для внешних шоков внутренней финансовой системой более доступными сохраняются краткосрочные финансовые инструменты со сроком погашения до 30 дней. «Вес» РФ в компоненте глобального рынка банковских услуг современной мировой финансовой системы сравнительно невелик (менее 1%). Но санкционный режим ограничивает возможности как подсанкционной страны и интеграционных групп, в которых она является финансовым лидером, участвовать в поддержании естественных процессов финансовой глобализации, так и кредитную активность стран-санкционеров [12]. Недополученные льготные кредиты и гранты только со стороны ЕС за 2014–2017 гг. оцениваются как минимум в 11,1 млрд долл. США [4].

2. Потенциальное возникновение и развитие нового вида финансового «заражения» — эффекта отлива

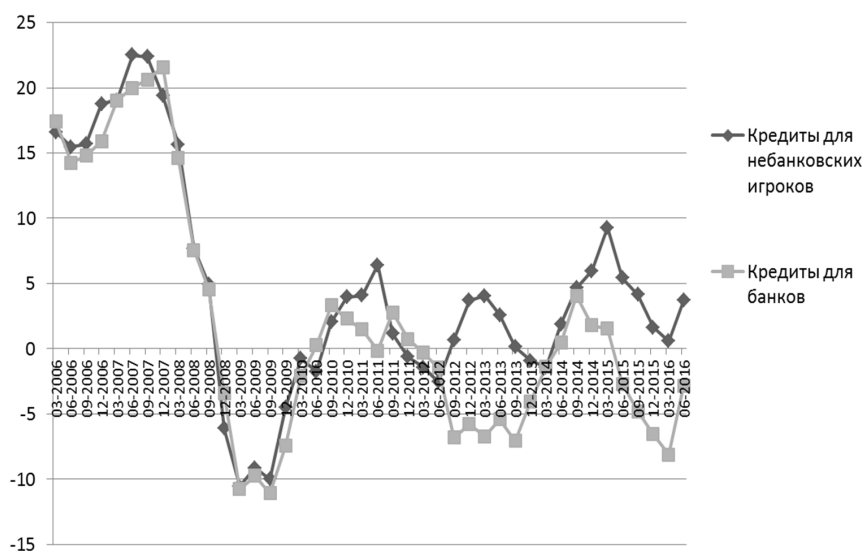

Рис. 2. Динамика международных банковских кредитов, %

Источник: [12].

(от менее финансово развитой страны к более развитым государствам и глобальным рынкам).

3. Санкции как искусственный барьер и причина эффекта внезапных остановок потоков капитала (*sudden stops*), оцениваемого за анализируемый санкционный период в 22,5 млрд долл. США (по 11,25 млрд долл. США, или 20 и 62% от общих показателей оттока капитала за 2014 и 2015 гг. соответственно) по формуле (3) [9–14]:

$$SS_s = \sum_{t=2014}^{2016} \left[SS_{w_t} \times \left(1 - \max \left(R_{capital, oil_t}; \bar{R}_{capital, cur_t} \right) \right) \right], \quad (3)$$

где SS_s — объем внезапной остановки потоков капитала от санкций; SS_{w_t} — ежегодные *sudden stops*, вызванные комплексом причин:

$$SS_{w_t} = \sum_{j=Q1}^{Q4} (Y_{ij} - \bar{Y}_{2011-2013_j}), \quad \text{где условие} \\ (Y_{ij} - \bar{Y}_{2011-2013_j}) \geq 0, \quad (4)$$

$\bar{Y}_{2011-2013_j}$ — средние квартальные значения объемов вывоза частного капитала из РФ за 2011–2013 гг.; Y_{ij} — отток частного капитала за санкционный период (санкционный период здесь сужается до IV квартала 2014 — II квартала 2015 г. включительно, так как до него несанкционные факторы оказывали основное влияние на финансовые показатели, а после — не

выполнялось условие). Методика корреляционного анализа аналогична вышеизложенной, но вместо торговых показателей — финансовые.

4. Нарастание негативных ожиданий, финансовых рисков и кризисных явлений (совокупные общесистемные потери вследствие острой фазы глобального финансово-экономического кризиса за период с 2008 по 2012 г. оцениваются от 8,1 до 70 трлн долл. США) в глобальной экономике. Минимальное значение издержек совпадает с потерями реального сектора глобальной экономики и вычислено как сумма положительных отклонений реакционных (кризисных) показателей объемов глобальных финансовых рынков от средних значений соответствующих показателей за 2003–2007 гг. (для облигационного сегмента глобального фондового рынка — за 2008–2010 гг.). Максимальная оценка — это потери глобальной экономики от эффектов «пузыря», она рассчитана по аналогичной схеме, где средние значения соответствующих показателей заменены на «пиковые» [10–12].

5. Побочный эффект от снижения кредитной активности — рост вероятности финансовых «пузырей» на остальных глобальных финансовых рынках.

IV. Реформаторские: в период проведения глобальных реформ санкционный режим искусственно создает трудности для переговоров и координации усилий (пример России-ОЭСР), качественного отслеживания динамики глобальных рынков и выявления зарождающихся негативных финансовых эффектов от трансграничного движения капитала.

V. Системно-организационные: обостряются проблемы глобальной безопасности и ответственности стран, занимающих лидирующие позиции в глобальной экономике и одновременно коллективно выступающих в роли санкционеров, за эффективность общесистемной трансформации.

Таким образом, примерная оценка понесенных фактических глобальных потерь от текущего санкционного режима в отношении России (включая контрсанкции) составляет за среднесрочный интервал 2014–2016 гг. минимум 290 млрд долл. США

(260,2 млрд долл. США торговых потерь + 22,5 млрд долл. США финансовых потерь от «внезапной остановки» капитала + 11,1 млрд долл. США недополученных

кредитов со стороны ЕС за вычетом финансовых ресурсов, полученных Газпромом со стороны азиатских банков). Основная угроза современных международных санкционных режимов состоит в комплексности и прогрессивности их инструментов, высокой частоте, масштабности и единовременности применения, коллективности решений стран-санкционеров, многократном повышении уровня нестабильности в мировой финансовой системе и вероятности глобальных кризисов, что увеличивает потенциальные санкционные издержки глобальной экономики до уровня нескольких триллионов долларов. Современные санкции — это и разновидность холодного оружия, и игра, в которой нет государств-победителей.

Литература/References

1. Masters J. What Are Economic Sanctions? Council on Foreign Relations, 2015. Available at: <http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions/p36259> (accessed: 16 January 2017).
2. Архипова В.В., Комолов О.О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 53–69.
Arkhipova V.V., Komolov O.O. Development of International Sanctions Regimes in a Historical Perspective [Razvitiye mezdunarodnikh sankzionnikh rezimov: istoricheskij aspekt]. *Rossiyskij vneshneekonomicheskij vestnik — The Russian Foreign Economic Bulletin*. Moscow, 2016, no. 3, pp. 53–69.
3. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 120–143.
Dmitrieva N.I. Economic Sanctions as a Political Pressure Instrument [Ekonomicheskiye sankzii kak instrument politicheskogo davleniya]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronij Vestnik — Public administration. Electronic Herald*, 2015, no. 52, pp. 120–143.
4. Russell M. Sanctions over Ukraine: Impact on Russia. Members' Research Service. European Parliamentary Research Service, March 2016, pp. 1–12.
5. Crozet M., Hinz J. Collateral Damage: The Impact of the Russia Sanctions on Sanctioning Countries' Exports // *Research and Expertise on the World Economy, CEPPI Working Paper*, 2016, no. 16. June, pp. 3–46.
6. Drezner D.W. Sanctions sometimes smart: targeted sanctions in theory and practice // *International Studies Review*, 2011, no. 13 (1), pp. 96–108.
7. Morgan T.C., Bapat N., Krustev V. The Threat and Imposition of Economic Sanctions, 1971–2000 // *Conflict Management and Peace Science*, 2009, no. 26 (1), pp. 92–110.
8. Dreger C., Fidrmuc J., Kholodilin K., Ulbricht D. The Ruble between the Hammer and the Anvil: Oil Prices and Economic Sanctions. German Institute for Economic Research, 2015 // *Discussion Paper*, no. 1488, pp. 1–15.
9. International Trade Center: statistics of Russian sector trade performance 2011–2015. Available at: <http://www.intracen.org/country/russian-federation/sector-trade-performance/> (accessed: 14 January 2017).
10. World Bank: World Development Indicators, January 2017. Available at: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (accessed: 13 January 2017).
11. International Monetary Fund: World Economic Outlook Database, October 2016. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx> (accessed: 13 January 2017).
12. Bank for International Settlements: Global liquidity indicators Updated 11 December 2016. Available at: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1612.htm (accessed: 07 February 2017).
13. Bank of Russia: External Sector Statistics. Available at: <http://www.cbr.ru/eng/statistics/?PrtId=svs> (accessed: 01 February 2017).
14. U.S. Energy Information Administration Statistics. Available at: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_m.htm (accessed: 13 January 2017).

